осуждаемом в настоящее время кое-кем из наших доморощенных критиков (напр., Осинским в „Правде" и „напостовцами" с знаменитым Семеном Родовым во главе)» [13].

А в марте 1926 г. Нарбут обещает выслать Горькому «новую книжечку рассказов Бабеля» [14]. В альманахе «Земля и фабрика» (1927) Нарбут обещает поместить рассказы Бабеля, причем его фамилия среди других подчеркнута Горьким красным карандашом, что говорит об особом интересе великого писателя к творчеству молодого автора [15]. Другой издатель — С. Ацаркин — сообщает в 1926 г. о включении в альманах № 2 «Пролетарий» произведений Бабеля [16].

Заинтересовались Бабелем и за границей. Так, Этторе Ло Гатто сообщает М. Будберг 11 июня 1924 г., что он хочет переводить «Одесские рассказы» на итальянский язык [17]. В августе 1924 г. Будберг сообщает Горькому, что рассказами Бабеля заинтересовались французы [18].

В 1925 г. Бабель, наряду с другими писателями, обратился к жанру киносценария [19]. Известно, что Горький в это же время также работал над рядом киносценариев.

В письмах 1926 г. Горький с восхищением отзывается о произведениях Бабеля (см. письма М. Борисоглебскому от 3 января 1926 г. [20], Н. Фатову от 20 января 1926 г. [21]).

В мае 1926 г. «Конармия» Бабеля вышла отдельной книгой и выдержала восемь изданий при жизни автора. В целом отзывы в печати были положительными. Однако на страницах произведения Первая Конная предстала в разительном несовпадении с той хрестоматийной, олеографической легендой, которую чем дальше от событий 1920 г., тем усиленнее создавали о ней С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов и многие официозные историки. Блюстители «казарменного порядка» в литературе увидели в «Конармии» «поэзию бандитизма» [22], намеренную дегероизацию истории [23]. Споры вокруг «Конармии» не утихали. Большую роль в поддержке молодого автора сыграл похвальный отзыв Горького [24, т. 24, с. 473]. «Правда» напечатала открытое письмо Буденного Горькому, где Бабель снова был обвинен в том, что искажает образ Первой Конной. Однако Горький не отрекся от своих слов [25]. «Бабель,— писал он,— украсил их (конноармейцев.— *Н. Л.*) „изнутри" — *он украсил их даже лучше, правдивее,* чем Гоголь запорожцев» [24, т. 24, с. 473].

Сохранились свидетельства, что дважды в 1928 г.— в январе и феврале — Горький приглашал Бабеля к себе в Сорренто. Оба письма не сохранились. Однако есть ответ Бабеля от 26 января 1928 г. из Парижа, где он сообщает, что бьется над большой работой и просит разрешения приехать весной [3, с. 40]. «Получил письмо от Горького,— писал Бабель своему другу И. Л. Лившицу,— приглашает к себе в Италию. Если будут деньги — весной поеду» [1, т. 1, с. 263].

Отвечая на вторичное приглашение Горького, Бабель сообщал, что хлопочет о визе и посылает писателю свою пьесу «Закат», изданную «Кругом» [3, с. 40].

7 марта 1928 г. Бабель писал Лившицу из Парижа: «В начале апреля уеду, вероятно, к Горькому в Италию. Он приглашает так настойчиво, что отказываться неудобно» [1, т. 1, с. 268]. То же сообщает он 20 марта 1928 г. из Парижа Л. Никулину: «В апреле уеду, наверное, в Италию к Горькому, патриарх зовет настойчиво, отказываться не полагается. Поживу там до отъезда Горького в Россию» (см. также письмо Никулину от 2 апреля 1928 г. [1, т. 1, с. 269, 270]). В ожидании итальянской визы Бабель посылает Горькому письмо от 10 апреля 1928 г., в котором пишет: «О Ваших книгах и о Вашей жизни у меня есть мысли, которые мне кажутся важными, но они не ясны еще, сбивчивы, противоречивы... Придет время, когда я все додумаю и смогу написать о Вас книгу, я верю в это» [3, с. 41]. Известно, что после ареста Бабеля пропали многие его рукописи, в том числе и книга о Горьком.

По свидетельству И. Эренбурга и М. Будберг, Бабель приезжал в Сорренто